

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ГУМАНИТАРНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ТИП ЗНАНИЯ

Характеристики гуманитарного сознания общеизвестны и неоднократно «обкатаны» в современной научно-философской литературе. Общепринято, например, считать, что гуманитарность «человекообразна», что гуманитарное сознание противостоит технократическому, что гуманитарное отношение есть отношение субъекта к субъекту, что оно во многом черпает свое содержание из внутренних ресурсов личности и т. д.

К более глубоким пластам проблемы, в перспективе открывающим небанальные аспекты, ведет понимание того, что это знание герменевтическое, интерпретационное или что оно есть знание-переживание, знание-чувствование, связанное с мироощущением.

Герменевтичность гуманитарного знания означает то, что гуманитарное знание выступает как знание-истолкование, знание-интерпретация. В этом его коренное отличие от классического научного знания. Последнее идет «вглубь», от внешнего к внутреннему, от явления к сущности, от поверхностного к скрытому. Таким должен быть путь, если мы хотим действительно постигнуть предмет, выявить его сущность, его структуру, непознанное сделать познанным.

Принципиально иной механизм гуманитарного мышления. Во-первых, оно работает с особым рода реальностью — феноменологической. Специфика этой реальности всесторонне описана в концепции Эдмунда Гуссерля. Феномен непосредственно представлен нашему сознанию, сразу и изначально присутствует в нем (причем к нему не ведет «научный путь» в обычном смысле этого слова). В феномене слито «внутреннее» и «внеш-

нее», «явленное» и «сущностное, «реальное» и «идеальное». Гуманитарное знание работает с этими феноменами «бытия-сознания».

Во-вторых, гуманитарное знание есть «слежение за предметом», постоянное удержание его в поле внимания, жизнь с ним, претерпевание соприсутствия. Поэтому-то оно и есть интерпретация истолкования, что зовет к созданию серии образов, портретов, создает желание рассматривать предмет с разных сторон, заглядывать «за горизонт». Можно в шутку сказать, что гуманитарное знание — своеобразная «интеллектуальная пляска» вокруг предмета, совокупность познавательных «жестов» и «поз».

В отличие от классического научного дискурса, гуманитарное знание не стремится «разоблачить» тайну. Потаенное оно оставляет потаенным и вместе с тем делает узнаваемым, высветленным, зримым, присутствующим в душе. Гуманитарное знание, думается, наследует духовные пути апофатического богословия, согласно которому Богу нельзя приписать какой-либо конечный набор позитивных характеристик (Бог есть то-то и то-то). Тайна Бога открывается как непознанное в познанном, как потаенное в явном. Знание о Боге возникает только после снятия всех возможных рассудочных определений, после преодоления любых конкретных образов, любых определенных свойств. Божественное открывается не только как вечно скрытое, но и как вечно присутствующее в нашей душе.

Гуманитарное знание есть знание-переживание, знание-вчувствование, знание-погружение. В гуманитарном знании «понять означает не схватить в понятия» (Гегель), не

построить цепочки суждений и силлогизмов, не создать «непротиворечивую интеллектуальную модель», а увидеть, зримо почувствовать и пережить. Задача гуманитарного познания — создать «комплексные переживания предмета» (выражение студента Александра Солонкина).

А раз пережить — значит охватить всеми способностями души и разума: интеллектуальными, эмоциональными, нравственными и эстетическими, психологическими и духовными, постичь в акте знания и в акте веры. Тогда и только тогда будет задействована вся целостность человеческого существа и человеческого сознания, тогда познание перестает быть односторонним, рассудочным, перекошенным только в одну сторону. Оно становится *собственно человеческим*, нужным, близким и понятным человеку, ибо согрето теплом сердца и его души.

Если это так, то фундаментальным качеством такого познания, без которого оно лишается внутреннего стержня, является присутствие любви. Любви как универсального, объемлющего, исходного свойства и

качества отношения личности к миру и другим людям. Это именно то, что подразумевали великие русские религиозные философы второй половины XIX — первой половины XX веков, когда говорили о *цельном знании*, о *всеединстве бытия* как основе такого знания. Мы имеем в виду прежде всего такие фигуры как П. Юркевич, В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, И. Ильин, С. Франк, Б. Вышеславцев и др.

Нельзя путать гуманитарность с гуманностью и гуманизмом. Но гуманитарное сознание выступает как творческая лаборатория гуманности, как ее интеллектуально-теоретическая основа. В гуманитарном сознании проявляется *собственно человеческое*, само, если можно так выразиться, ядро человечности. Не случайно гуманитарное сознание, понятое как опыт переживания мира, имеет такую фундаментальную традицию в европейской и русской культуре (конечно, не только в них). Оставаясь самим собой, оно по-разному проявляется в философии, искусстве, религии, педагогике, психологии, в самых различных областях человеческого духа.